18+

ЛОЛА КОНТИ

Интер-Тетечка или как я переехала жить в Италию

ТОМ 1. МОИ ПИТЕРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ, ЛИХИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ И НАЧАЛО НАЧАЛ

Лола Конти

Интер-Тетечка, или Как я переехала жить в Италию. Том 1. Мои Питерские Университеты, Лихие Девяностые и Начало Начал

«Издательские решения»

Конти Л.

Интер-Тетечка, или Как я переехала жить в Италию. Том 1. Мои Питерские Университеты, Лихие Девяностые и Начало Начал / Л. Конти — «Издательские решения»,

Автобиографический роман Лолы Конти — это портал в лихие девяностые. Время абсолютной свободы, пустых холодильников, студенческого братства и судьбоносных решений. Здесь смех соседствует со слезами: забавные авантюры сменяются драматическими эпизодами, от которых замирает сердце. Как выжить в водовороте перемен, когда тебе около двадцати, а впереди — полная неизвестность? Это история о молодости, которая горела ярче солнца, женской силе и решении изменить судьбу, уехав навстречу новому миру.

© Конти Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. 6
ГЛАВА 1. 7
ГЛАВА 2. 10
ГЛАВА 3. 13
ГЛАВА 4. 16
ГЛАВА 5. 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Интер-Тетечка, или Как я переехала жить в Италию Том 1. Мои Питерские Университеты, Лихие Девяностые и Начало Начал

Лола Конти

© Лола Конти, 2026

ISBN 978-5-0071-7006-2 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-7007-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Все события, персонажи и диалоги, описанные в этой книге, являются плодом художественного осмысления автора. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или ушедшими, известными или случайными — являются непреднамеренными и случайными. Данное произведение относится к жанру автобиографической прозы и художественной литературы, где реальные факты и воспоминания переплетены с авторским вымыслом, собирательными образами и литературной обработкой.

Благодарности

Моей семье и особенно моим друзьям, сокурсникам и всем тем удивительным людям из того времени.

Спасибо за то, что мы прошли через всё это вместе. Вы навсегда останетесь в моем сердце.

ПРОЛОГ.

ПРОСЕККО НАД КУПОЛОМ ДУОМО

Я сижу на террасе универмагов «Rinascente» в Милане, попиваю просекко, наслаждаюсь крепким эспрессо и смотрю на шпили Дуомо почти с высоты птичьего полета. Вокруг суетятся туристы, делают селфи, шумят… А я смакую кофе, смотрю на этот величественный собор и понимаю, что с моего первого приезда сюда прошло уже больше тридцати лет.

Впервые я оказалась в Милане совсем девчонкой, лет двадцати двух. Мой приезд почему-то совпал с 25 апреля — большим итальянским праздником, Днем освобождения. По улицам маршировали пожилые ветераны в альпийских шляпах с перьями и пилотках, увешанные медалями, и хором пели «Bella Ciao». Меня это тронуло до слез!

Я искренне восхищалась архитектурой, часами рассматривала каждая башенку Дуомо, гуляла по Галерее Витторио Эмануэле, а еще — каждый день крутилась на левой пятке на знаменитом миланском быке, загадывая одно и то же желание: «переехать жить в Италию».

Но почему меня вообще так тянуло уехать? Не потому, что я была неблагодарной эгоисткой. Просто с самого детства моя жизнь складывалась так, что мне всё время хотелось куда-то бежать…

ГЛАВА 1.
ДЕСЯТЬ КИЛОГРАММОВ МОРОШКИ И «БОГДАН ТИТОМИР»

Мое бегство началось гораздо раньше Италии. Все началось с того момента, как я решила сбежать из маленького городка на Крайнем Севере, куда попала по распределению после Училища Культуры. Формально я окончила отделение хорового искусства и преподавала в северной музыкальной школе: хоровой класс, сольфеджио и фортепиано, как второй инструмент.

Но быстро поняла перспективы. Варианта было два: либо выходить замуж за местного алкаша и гонять его с криками по всему микрорайону, либо до пенсии наблюдать кровную вражду двух дам, деливших кресло директора школы, где я работала. Карьерный рост — нулевой.

Выход оставался один — поступать в высшее учебное заведение в Москве или Ленинграде, который все уже тогда звали Питером. Мои родители — интеллигентные советские люди — были категорически против очного обучения. Чтобы не трепать им нервы, я пошла на компромисс: сказала, что поеду поступать на заочное и буду дальше работать, а диплом мне нужен просто «для повышения зарплаты».

Первым делом, прилетев в Ленинград, я отправилась к знакомым. Точнее — к дальним родственникам моей северной соседки. Узнав, что я лечу в Питер, эта добрая тётушка снарядила мне посылку для родственничков килограммов на десять: с мороженой рыбой, морошкой и другими северными деликатесами. С этим ценным грузом я и заявилась в квартиру к невероятно культурным еврейским дамам в самом центре города.

Мне выделили диванчик в комнате их пятнадцатилетней дочери. Квартиру населяли три поколения — бабушка, мама и внучка. Девочка смотрела на меня с явным превосходством, а в ее глазах читалась мольба к богам, чтобы я как можно скорее получила место в общежитии и освободила её территорию.

Бросив свои вещи, я села на трамвай и поехала в институт. Я просто поедала глазами город. Я была Золушкой, попавшей во дворец на бал. Все так монументально, красиво, элегантно! Я уже бывала в Питере раньше — со школьными экскурсиями и с группой из училища. Но тогда вокруг шумела толпа, бурлил юношеский адреналин, и я больше смотрела на подружек и мальчиков, чем на архитектуру.

А теперь я была «наедине с Петербургом». Я ехала и верила, что обязательно покорю этот город. Смотрела на Петропавловскую Крепость, на Троицкий мост, замирала от восторга перед зеленым фасадом Эрмитажа с его белыми наличниками, разглядывала Мраморный дворец. Гуляла по Марсову полю и наконец остановилась перед зданием института. Оно показалось мне монументальным: пышная лепнина, колонны, балконы, кованые решетки, которые, казалось, помнили самого Пушкина!

С трепетом я поднялась по роскошным мраморным лестницам, пройдя проверку документов у охранника на входе. И пусть внутри всё было перегорожено нелепыми временными стенами и дверями из ДСП — меня это совершенно не смущало. Я видела белый мрамор и хрустальные люстры, и Марсово Поле за огромными окнами.

Главное — я сдала документы! В приемной комиссии мне дали направление в общежитие, назвали даты экзаменов и строго предупредили: «Конкурс огромный, готовьтесь серьезно».

Так я оказалась у дверей институтского общежития, где заправлял комендант — упитанный, крупный мужчина, безумно любивший сало и прочие «подарки». Вся его колоритная

фигура буквально излучала любовь к пищевым корзинам. Звали его прямо как моего кумира девяностых — Богданом (правда, фамилия была не Титомир).

Так как мои родители были честными советскими гражданами и презирали взятки (максимум — коробка конфет начальнице по праздникам), никаких подношений Богдану я не принесла. За что и получила от коменданта оценивающий взгляд и место в комнате, где уже ютились пять девушек.

Когда мою кровать вносили в эту двадцати-метровую комнату, на лицах будущих соседок читалось легкое недовольство, если выразиться культурно. Но Богдан со своим опытом прекрасно знал: через пару недель вступительных экзаменов половина из этих амбициозных девиц с ревом и истериками уедет домой.

Ко мне тут же подскочила коренастая рыжеволосая девушка Люда, ростом под метр пятьдесят, с отросшей химической завивкой.

— Зови меня просто Люсей или Люськой! — выпалила она и сразу принялась допрашивать: откуда я, на какое отделение, не пожаловала ли к ним «конкурентка» и, главное, «есть ли что пожрать?»

Мою койку поставили у самого входа. У коменданта мне, конечно, провели строгий инструктаж: не курить, не напиваться, парней не водить. Да и куда их приводить при такой перенаселенности? К тому же, я привыкла к одно-задачности: сначала поступить, а потом уже оглядываться по сторонам.

Как и все девчонки моего поколения, я мечтала встретить прекрасного, доброго и любящего человека, чтобы создать семью. В девяностые это было пунктом номер один: если ты не вышла замуж, ты автоматическая неудачница. Хотя во мне с пяти лет сидел суровый наказ моей бабушки. Помню, как она отбирала у меня, пятилетней, пупсов и кричала: «Ты что делаешь?! Уже детей задумала заводить?! Ты мне эти глупости брось! Главное — выучись и найди работу. На этих мужиков никакой надежды, и не вздумай детей без мужа принести!»

Тогда этот лекционный шок запал мне глубоко в подсознание. И, как показала жизнь, в словах бабушки было здравое зерно…

Но пока мы с девчонками готовились к экзаменам. Среди моих соседок была тонкая, звонкая Танюша с огромными голубыми глазами, которые она густо обводила черными стрелками — вылитая Клеопатра.

Таня поступала на актерско-режиссерское и искренне считала, что настоящая актриса не имеет права появляться на публике без театрального грима. Уже через неделю очаровательная Танюшка закрутила роман с главным альфа-самцом и ловеласом нашего этажа и стала исчезать по ночам. И вот однажды вечером Таня попросила у меня напрокат платье для свидания и испарилась.

Утром мне нужно было идти в институт, а платьев «на выход» у меня было всего два. Поняв, что соседка заночевала у возлюбленного, я пошла к мужской комнате и культурно постучала. Дверь открыла бледная девушка в халате, с пепельными волосами и опухшим лицом.

— Послушайте, — вежливо сказала я, — тут Таня должна быть. Передайте ей, чтобы она мне платье отдала. Лицо девушки вытянулось:

— Лола, ты чего? Это же я, Таня!

Меня будто током ударило. Я стала вглядываться в ее лицо и с ужасом поняла, что передо мной действительно Таня — но без единого грамма косметики! Не роковая Клеопатра, а абсолютно серая моль.

— Ой, извини… — замялась я. — Не узнала тебя в халате. А где платье?

У Тани задрожали губы, и она расплакалась:

— Я что, правда такая некрасивая без макияжа?! Мне и папа всегда говорил: «Таня, ну какая ты актриса, ты же мышь серая!»

Умели же предки в то время поддержать наши самые смелые мечты! Мне было ужасно неловко перед ней, но она реально выглядела совсем другим человеком. Больше без макияжа я Таню не видела никогда. А еще через неделю она провалила какой-то экзамен, собрала вещи и уехала со слезами в свой Урюпинск.

Впрочем… те свои вступительные экзамены я тоже благополучно провалила.

ГЛАВА 2.
ПАТРИСИЯ КААС, УСАТЫЕ ВАХТЕРШИ И СЕРДИТЫЕ ЮГОСЛАВЫ

Когда стало окончательно ясно, что вступительные экзамены провалены и план рухнул, меня охватила паника. Но долго унывать было некогда! Я срочно позвонила сестре в провинцию и выпалила:

— Бросай всё, мне тут досталось два билета на концерт Патрисии Каас в Питере!

Мне их оставила одна девчонка из общежития, которая «срезалась» на первом же экзамене и уже укатила домой. Моя сестра была невероятно легка на подъём — а ехать ей сутки с небольшим! — и уже скоро примчалась в Питер. Жить ей было негде, и я поселила её прямо в нашей комнате на одну из освободившихся коек. До концерта оставалось пару дней.

Сам вечер в БКЗ «Октябрьский» стал чистым катарсисом! Это было невероятное шоу, потрясающее зрелище. Я, только что пережившая крушение всех надежд остаться в Петербурге, впитывала этот концерт каждой клеточкой кожи — с горьким пониманием, что теперь целый год мне максимум, что светит, это слушать любительский фольклорный ансамбль из Заполярья.

Патрисия Каас была великолепна: молодая, дерзкая француженка с сильным хрипловатым голосом. Весь зал гремел, подпевая знаменитую «Mademoiselle chante le blues», а мы с сестрой просто визжали от восторга!

А потом пришло время расплачиваться за гостеприимство. Мы быстро собрали чемоданы и совершили классический английский побег, оставив комнату далеко не в идеальном порядке. Конечно, наше нелегальное проживание и беспорядок не укрылись от бдительности местных стражей порядка. Кстати, почему-то в общежитиях вахтерами работали исключительно суровые, усатые бабули — казалось, они обладали рентгеновским зрением и абсолютной нетерпимостью к любому проявлению радости жизни.

Эти бдительные бабушки тут же заложили нас коменданту Богдану. И когда я в следующий раз — кстати, довольно скоро — появлюсь на пороге его кабинета, чтобы попытаться штурмовать институт снова…

Впрочем, не будем забегать вперед и раскрывать интригу!

Мы оставили неприбранную комнату и незаправленные койки бабушкам на вахте и единственной, кто пока еще боролся за место на заочном отделении соседке Люсе, с ее рыжей отросшей «химией». Я и сестра погрузились на поезд и уехали к ней в провинцию, в довольно большой портовый город. Родители ждали меня дома, довольные, что я возвращусь обратно в Заполярье…

Я очень страдала, что провалила вступительные экзамены. Ну, или не прошла по суровому предварительному отбору: мне прямым текстом дали понять, что занимать место в общежитии и тратить чужое время дальше бесполезно. Шок был полным. Мой гениальный план рушился на глазах, суля неминуемое возвращение в суровую тундру, где девять месяцев в году стояла полярная ночь.

Там меня ждали прежние «радости»: руководство хором детей, которые вовсе не жаждали петь, и мучения каких-нибудь несчастных юных баянистов на уроках фортепиано.

Весь досуг местной интеллигенции сводился к тому, чтобы с коллегами-девчонками заказать столик в ресторане. Стоило это недорого, и с нашими северными зарплатами в 120 рублей даже молодая специалистка могла позволить себе полный набор: первое, второе, десерт и морс.

Горячительными напитками нас почти сразу угощали галантные кавалеры, едва мы появлялись в зале ресторана, Мы приходили расфуфыренные, накрашенные как Чингачгук на тропе войны, ведь это было единственное место, где можно было встретить хоть кого-то.

Правда, выбор женихов ограничивался двумя-тремя категориями: местными алкашами (которых мы сразу отфильтровывали) или вахтовиками из экспедиций, приехавшими за длинным рублем.

Но была и третья группа потенциальных кавалеров. Свежий ветер подул с окончанием Холодной войны, когда к нам на Крайний Север пожаловали американцы — такие же искатели приключений, как их предки на Аляске сто лет назад.

Мы, наивные девчонки, воображали их владельцами нефтяных вышек в Техасе. Они приезжали в заполярные тридцатиградусные морозы в ковбойских шляпах и сапогах, сорили зелеными долларами, а мы радостно выплясывали с ними на танцполе. Но толку от этих встреч было мало.

Делать ставку на долгосрочные проекты с местными забулдыгами было страшно, и от этой мысли у меня волосы вставали дыбом. Я горестно рассуждала об этом, снова и снова накручивая себя.

Приехав к сестре, мы обсуждали, как мне лучше поступить. Родители бы точно встретили меня с распростертыми объятиями: «Зачем тебе этот институт? Лучше посмотри на сына соседки — парень неженатый, хоть и молчаливый, зато, вроде непьющий и, наверное, бить тебя не будет!»

Сестра жила в коммуналке на окраине города. В соседней комнате обитала загадочная полногрудая медсестра с подозрительно- исключительно ночными сменами работы, а через стенку — 95-летняя бабушка-соседка, чьи запасы нецензурной брани и привычка кидаться растоптанными вонючими тапками и собственными фекалиями в закрытую дверь своей комнаты, создавали неповторимый колорит.

Попивая портвейн на кухне под эти звуки, мы сочувствовали друг другу, как вдруг меня осенило: у меня же оставалась горящая путевка в Югославию от профсоюза!

Эту авантюру мне подкинула боевая коллега — наша завуч, выбившая себе хлебное местечко сразу после училища. Ворвавшись ко мне на урок, она шепнула: «Лолка, хочешь в июле смотаться в Югославию за копейки? У меня есть „горящая“ путевка. Если ты не возьмешь — директор сразу отдаст ее своим прихлебателям!»

Лишних денег у меня не было, но завуч одолжила сумму без раздумий. План вырисовывался идеальный: поступление в Питер, самолет в Москву из областного центра, где жила моя сестра, а оттуда — в солнечную Югославию с группой молодых работников культуры.

Добираться до утреннего рейса в аэропорту с окраины города, где ютилась моя сестра в коммуналке, было трудно, и я позвонила по телефону-автомату старому знакомому — сыну очень влиятельных людей. Он обрадовался, надеясь увидеть мою подругу с «бразильской попой», которая ему очень нравилась, но услышав, что приеду я с сестрой, сжалился и пригласил нас в шикарный номер центральной гостиницы, который он снимал для своих тусовок.

Там нас ждал его друг — парень с грузинско-армянскими корнями по имени Саша, который представился моряком. В те времена моряк считался элитным женихом: у них всегда были доллары для «Березки», дефицитный импорт и полугодовые отлучки из дома. Мы пили импортные напитки, болтали, пока Саша вдруг не ошарашил меня философским вопросом. Опыта у меня почти не было, и на его признание в том, что ему нравится «золотой дождь», у меня сработал мощнейший рвотный рефлекс.

Я пулей метнулась в роскошный туалет, после чего все темы для совместных бесед были исчерпаны. Утром в 4 часа мне нужно было бежать на самолет, а зубы почистить было нечем. Ситуацию спас «элитный» сервис: Саша брызнул мне прямо в рот своим шикарным одеко-

лоном «Dior». Во рту полыхало огнем, но дыхание стало до неприличия дорогим и полным французского шарма.

В аэропорту я нашла нашу группу «молодых специалистов». От меня мощно разило «Диором», но тут из толпы выскочила Оля с отделения «народников», с которой мы учились в одном училище. Передав меня с рук на руки этой компанейской девчонке, моя сестра распрощалась со мной.

Югославия промелькнула ярким калейдоскопом: автобусные переезды, отели, дискотеки. Правда, местные парни, обиженные нашей неприступностью, устроили за нами погоню. Они преследовали наш автобус на машинах от городка к городку и кричали в окна не самые литературные комплименты вроде «курва, курва»!

Но лучшим моментом поездки стала поездка на катере на «необитаемый остров». Там нас ждали загорелые ребята, мангалы с рыбой, прохладное белое вино и балканская музыка. Мы наелись, напились, натанцевались, а потом уснули прямо на пляже, уткнувшись щеками в теплый песок и ракушки. Это было абсолютное, ничем не замутненное счастье.

Вернувшись на Родину после двухнедельного «отрыва», я четко поняла: возвращаться на Север я точно не хочу. Никаких советов у родителей спрашивать я не собиралась — мобильных телефонов не было, отчитываться было некогда. Я твердо решила: вернусь в Питер и подам документы уже на «очное» отделение!

ГЛАВА 3.
АНГЕЛЫ С КАВКАЗА, МАННЫЙ «РАФАЭЛЛО», ДРУГ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ И СЕКРЕТНЫЙ ВХОД ЧЕРЕЗ ОКНО ЦОКОЛЬНОГО ЭТАЖА

Поездка в Югославию стала для меня настоящим переломным моментом. Я вернулась из этого путешествия загорелая, похудевшая, с горящими глазами и окончательной, железобетонной убежденностью: возвращаться в родное Заполярье я не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Правда, первоначальный генплан покорения города на Неве дал трещину.

На хоровом отделении заочного факультета меня благополучно запороли. Как говорил Незнайка, не доросли они ещё до моей музыки! Но отступать мне было некуда. Поразмыслив, я решила выбрать что-то максимально гуманитарное — факультет режиссуры массовых праздников (раньше это называлось просто и честно: «Организация праздников и досуга»). Большинство предметов, конечно, крутилось вокруг массовых гуляний, но меня это мало волновало.

Я гордо пришла в знакомый деканат, сдала документы, получила направление и расписание экзаменов. Конкурс был дикий — десять человек на место! Но в душе горела такая решимость, что думай я хоть о двухстах претендентах на место, меня бы это уже не остановило. Всё бы ничего, но мне снова выдали направление… в то же самое общежитие.

И вот тут начался настоящий триллер. После шикарного гранитного здания на набережной Невы наше общажное пристанище выглядело сурово: длинное пятиэтажное здание из кирпича буквой «П» на окраине спального района. Но тогда для меня это был единственный шанс выжить. Возвращаться к еврейским знакомым моей бывшей соседки я не могла и не хотела — да они бы меня и не приняли.

Когда я съезжала от них в прошлый раз, они махали мне вслед ручками с такими счастливыми лицами, будто из их жизни выселили не тихую студентку, а по меньшей мере полк мародёров. Да и волшебный ларец с северными деликатесами из морошки и сёмги у меня больше не водился.

Делать нечего, я пошла на поклон к коменданту Богдану — разумеется, с дежурной продуктовой корзиной. Наивная! В этот раз корзина не спасла бы погоду даже теоретически. Богдан был разъярен до предела. Мало того, что я устроила на птичьих правах свою сестру во время приезда Патрисии Каас. И понятно, что та рыжая Люся мечтала стать джазовой гитаристкой, а не профессиональной уборщицей, поэтому после нашего отъезда в комнате остался знатный творческий беспорядок. А тут ещё и остальные соседки испарились в неизвестном направлении — то ли завалили экзамены, то ли сбежали в параллельные миры, но больше я их не видела.

Вердикт Богдана был краток и неумолим: войти в общежитие мне заказано раз и навсегда. Никакие слёзы, мольбы и клятвы больше никогда не нарушать правила на него не действовали. Я вышла из корпуса, брела куда глаза глядят и оказалась на заднем дворе. За зданием располагался небольшой парк и спортивное поле, где нас в дальнейшем гоняли сдавать нормативы по легкой атлетике. Через этот парк как раз шла оживленная дорожка, по которой студенты постоянно топали в сторону института и обратно.

Я присела на скамейку, уткнулась лицом в ладони и горько зарыдала. Весь мой грандиозный план рушился с таким треском, что в пору было покупать билет на ближайший поезд обратно в снега. Ночевать в самом институте нечего было и думать: строгие вахтеры забирали

паспорта в обмен на временные пропуска, так что меня бы мгновенно «вычислили» и выставили вон. Куда деваться с чемоданом? Где ночевать?

Перспектива бомжевать в девяностые годы молодой наивной провинциалке казалось не просто мрачной, а смертельно опасной. Наплакавшись вдоволь, и понимая, что слезами делу не поможешь, я так и осталась сидеть на этой скамейке. Мимо по дорожке проходили две девушки, они как раз возвращались из института и заметили, как я тут надрываюсь. Девчонки остановились и участливо меня спросили:

— Ты чего так убиваешься? Что у тебя случилось?

Я шмыгаю носом и выкладываю всё как есть: мол, на заочное не поступила, приехала штурмовать очное, а вредный комендант выставил за порог из-за казусов с соседками. Идти некуда, ночевать негде, жизнь кончена.

Девчонки переглянулись, вздохнули и говорят:

— Давай так: будешь жить у нас в комнате.

— В смысле? — хлопаю глазами я. — У вас что, лишняя кровать есть?

— Ну, кровати лишней нет, а местечко найдём. Не по-людски это — человека без крова на улице оставлять.

Сейчас пишу это, и к глазам подступают слезы. Эти две девушки — абитуриентки, как и я, приехавшие поступать с Кавказа (одна ингушка, другая, кажется, кабардинка, обеим по девятнадцать или двадцать, как и мне) — буквально спасли меня от полного краха. Если бы они тогда прошли мимо, я бы, наверное, сломалась, собрала вещи и уехала к себе в Заполярье. Или вляпалась в какую-нибудь дурную историю.

Но жить-то у них я согласилась, а вот как попадать в общагу мимо бдительного ока бабушек-вахтеров, которым Богдан выдал мой портрет и профиль и в анфас?

Тут-то мне на выручку и пришёл Игорь. С ним мы случайно столкнулись еще в июне, когда приехали сдавать экзамены на заочное отделение. Оказалось, он тоже поступал из нашего заполярного города: я работала руководителем хора в музыкальной школе, а он — преподавателем в художественной, которая ютилась в том же здании.

Среди суровых местных жителей в валенках и тулупах Игорь всегда выделялся радикально. Он ходил в темном строгом пальто, без шапки, в элегантных брюках со стрелками, белой рубашке и чёрном галстуке — вылитый молодой Валерий Сюткин из группы «Браво». В Заполярье мы лишь чинно раскланивались в коридорах, но на чужбине соотечественник показался мне родной душой. Мы начали дружить, вместе пили кофе в институтском буфете, а однажды сорвались в Пушкин — посмотреть на лицей, где учился великий поэт…

Пока мы плутали и пили кофе, музейные ворота закрылись. Но разве это могло остановить юношеский максимализм и затмить очарование белых ночей? Мы просто нашли лазейку в кованой ограде, перелезли через неё и несколько часов гуляли по сказочному парку под июньским питерским небом, переговариваясь шепотком и прячась за идеально стриженными кустами от редкой охраны. К утру нас, конечно, застукали, но мы с хохотом удрали, добежали до электрички и вернулись в город.

Были и другие приключения. Помню, как мы с Игорем голодные выползли из стен родного института и оказались на Горьковской. В кошельках — ветер, в животах — революция. И тут навстречу нам движется колоритная процессия: люди в оранжевых одеждах, с бритыми макушками, мерно отбивающие ритм на бубнах и распевающие «Харе Кришна! Харе Кришна!» Вид у них был донельзя умиротворенный и счастливый. Мы, недолго думая, пристроились к колонне, начали хлопать в ладоши и подпевать.

Кришнаиты приняли нас, как родных. Когда шествие сделало привал, они радостно вручили нам бумажный кулёк с угощением — белые круглые шарики, по вкусу точь-в-точь как конфеты *Raffaello*, только без кокосовой стружки и нежные, как манная каша. Мы умяли

их за минуту, нахваливая угощение на все лады. Ребята расплылись в улыбках, надавали нам ярких брошюр и настойчиво звали на свои собрания.

Именно тогда, во время наших июньских приключений, я и узнала главный секрет устройства общаги. Мужское крыло располагалось тогда на первом, цокольном этаже в огромном помещении вроде актового зала. Там ютилось больше двадцати парней. Окна оттуда выходили прямо во двор, и народ постоянно лазал туда-сюда через это окно. В один из вечеров Игорь показал мне этот путь, подсадил снизу, кто-то дернул меня за руки сверху — и вот я уже внутри. Тогда это казалось просто забавным приключением, но когда спустя пару-тройку недель грянул гром, и комендант выставил меня за дверь уже во время поступления на очное, эта «оконная контрабанда» спасла меня от катастрофы.

Как сложилась дальнейшая судьба Игоря, я, честно говоря, не знаю. Мобильных телефонов тогда не было, соцсетей тем более, а закрутившийся водоворот студенческой жизни быстро развел в разные стороны. Но я храню о нём самую тёплую память — хотя бы за то, что он разделил со мной ночной побег в Пушкин и подарил бесценный навык партизанского проникновения через общажные окна мимо внимательных и неумолимых вахтерш.

ГЛАВА 4.

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ МАРИНА, МИНИ-ЮБКИ НА ШПИЛЬКАХ И СПАСИТЕЛЬНЫЕ МАКАРОНЫ НА ПОДОКОННИКЕ

Начались вступительные экзамены на очное отделение. Поскольку в школе я была отличницей по русскому, литературе и истории, с этими предметами проблем не возникло вообще. А вот когда дошло дело до профильных испытаний, где требовалось разработать концепцию масштабного праздника-шоу, я включила всю свою фантазию на максимум. Мотивация прорваться была тысяче-процентной!

Я написала нечто настолько феерическое, что члены приемной комиссии сидели с откровенно удивленными лицами, засыпали меня дополнительными вопросами и увлеченно делали пометки в своих блокнотах — подозреваю, они конспектировали мои идеи для собственных халтур. Ведь преподаватели в те годы получали такие слезы вместо зарплаты, что поголовно подрабатывали режиссерами и сценаристами городских гуляний.

В общем, комиссию я очаровала еще и тем, что рассказала им о том, как мой папа лет 20 назад тоже учился в этом вузе, правда, он его не закончил. Они даже пошутили про преемственность поколений: мол, твой папа в своё время тоже здесь побывал, а потом писал стихи, ставил сценарии и руководил народным театром в заполярном клубе. В Италии это гордо называют «figlia d'arte» — дочь искусства, а у нас… ну, просто наследственная творческая династия.

Второй тур предполагал разработку туристического маршрута. Поскольку я только что вернулась из Югославии, я просто-напросто переложила на бумагу готовый сценарий оттуда: отели, переезды, дискотеки, музеи и в обязательном порядке необитаемый остров с мангалом, танцами и местным вином.

Приемная комиссия была в восторге от моего нахрапа и драйва. И вот я увидела свою фамилию в списках зачисленных. Глаза горели безумным огнем, впереди лежала огромная, неизведанная жизнь столичной студентки. Вокруг щебетала такая же разношерстная молодежь, мечтавшая покорить Петербург. В основном это были амбициозные девушки и парни из глубинки.

Тут-то ко мне и подошла Она. Широкая располагающая улыбка, круглое лицо, огромные серо-голубые глаза под аккуратным макияжем. Марина была моего роду-племени — стройная, с тонкой талией, затянутой в широкий пояс, и в микроскопической мини-юбке, идеально подчеркивавшей длинные, ровные ноги. Никаких перекачанных икр или искусственных форм тогда ещё в моде не было: ценились естественная женственность, отсутствие лишней растительности на ногах и туфли на шпильках сантиметров в двенадцать, зрительно вытягивающие силуэт.

Грудь у Марины была небольшая, но это не мешало ей нести себя, как королеву: осанка идеальная, плечи назад, подбородок приподнят, пухлые губы с блеском. При всей своей эффектной внешности блондинки-соблазнительницы, способной свести с ума любого мужика без всяких курсов пикапа, Марина обладала поразительным апломбом.

— Я из очень интеллигентной семьи, — любила заявлять она с абсолютно серьезным лицом, — и поступила сюда исключительно потому, что планирую стать министром культуры всея Руси.

Этот дивный коктейль из безупречного мини, шпилек и железобетонной элитарности мгновенно нас сроднил. Нам было по девятнадцать-двадцать, впереди — белые ночи и полная

свобода. Мы быстро решили, что в общежитие пойдем единым фронтом. Для штурма коменданта Богдана нам потребовалась группа поддержки. К нашему женскому союзу прибилась девица с джазового отделения — экзальтированная, немного «не от мира сего» (музыканты вечно считают себя кастой избранных), и ещё одна тихоня из костромской или калужской губернии по имени Маша.

Комната наша оказалась небольшой — от силы квадратов двенадцать-пятнадцать. Мы с Мариной мгновенно оккупировали две кровати у окна с тумбочками. Посередине находился стол со стульями, общий платяной шкаф, а у двери примостились еще две убогие одиночные койки. Нашу джазовую диву такое распределение возмутило до глубины души — она побежала жаловаться к Богдану, потащив с собой какого-то старшекурсника-ухажера. Но комендант церемониться не стал и выставил обоих вон со словами: «Ещё слово — вообще выселю».

На том и успокоились. Провинциальная Маша молча заняла кровать у двери и послушно засунула свой нехитрый скарб в тумбочку. Ей в шкафу досталась самая верхняя полка, до которой приходилось дотягиваться со стула, но жаловаться было не принято.

Поначалу Маша бесила меня невероятно. Особенно её заунывное:

— Девчат, а девчат, в котором часу в институт пойдём?

Мы молча закатывали глаза, стараясь не рассмеяться.

Марина тут же устроила мне жесткий «Модный Приговор». Мои «не гламурные» вещи полетели в мусорный бак без всякого сожаления. Мы устроили грандиозную примерку оставшихся трех аутфитов, подобрали макияж под каждый комплект, и на этом мой ускоренный курс Молодой Модницы завершился.

Я превратилась в стильную студентку северной столицы. А вот с бедной Машей всё было сложно. Ее гардероб состоял из палёных спортивных штанов «Adidas», кед и неизменного набора провинциальной студентки для похода в вуз: плотные черные капроновые колготки (чтобы не страшна была никакая затяжка), темная юбка чуть ниже колен и растянутая кофта, связанная заботливыми руками бабушки.

Светить такой компаньонкой на невских проспектах нам с Мариной жутко не хотелось. Мы изобретали сложнейшие комбинации, чтобы оторваться от неё по дороге: то отправляли купить булочку в ларек и сбегали, то заявляли, что забыли конспекты и возвращаемся в общагу. Месяца через два до Маши наконец дошло. Она горько заплакала, надулась, а потом стала ходить в институт гордо и независимо — сама по себе.

И только много лет спустя я поняла, какими же эгоистичными дурочками мы тогда были. Ведь Маша, несмотря на все наши бойкоты, обладала золотым сердцем. Холодильника в комнате не водилось (а на общей кухне воровали всё, что плохо лежит), но Маша всегда покупала на всю комнату картошку или макароны. Пока мы где-то тусовались по молодости и развлекались с кавалерами, она варила эту огромную кастрюлю. И мы всегда знали: даже если в карманах свистит ветер, на подоконнике (где зимой и осенью было холоднее любого холодильника) нас ждет заветная тарелка готовых макарон.

ГЛАВА 5.

«КАРТОШКА» ПОД ЛОМОНОСОВОМ, ДЯДЯ МИША С КАБРИОЛЕТОМ И ОФИС «ОСТАПА БЕНДЕРА»

Наступил сентябрь, и, как водилось по незыблемой традиции всех советских (и уже постсоветских) вузов, нас отправили на сельскохозяйственные работы. Точнее, наш гуманитарный десант отправили не на банальную картошку, а на морковку — видимо, картофельные поля к тому моменту уже были укомплектованы или просто не так остро нуждались в студенческих руках.

Нас погрузили в автобусы и повезли в Ленинградскую область, в город Ломоносов. Мы весело ехали, глазели по сторонам и, конечно, стреляли глазами на редких парней — многие мальчики с нашего гуманитарного факультета благополучно «откосили», поэтому наш курс состоял сплошь из амбициозных девчонок. Тот единственный парень, который мне приглянулся, увы, пялился на кого-то другого, но унывать было некогда.

Поселили нас в местном сельском клубе. Огромный актовый зал превратился в спальню на сорок с лишним коек. Мы с Мариной, разумеется, тут же оккупировали две кровати рядом. С трудовой повинностью Марина разобралась с присущим ей прагматизмом. Зачем стоять в поле буквой «зю» и выдергивать злосчастную морковь, если можно подойти к делу стратегически?

Она сходила в штаб и договорилась: мы работаем исключительно на сортировке. Нам выделили крытый амбар, мимо нас медленно плыл конвейер, а суровая колхозница объясняла правила: вот это стандарт, а вот это пойдет в отход. Работа не пыльная, а главное — позволяла регулярно устраивать «перекуры». Я сама не курила, но бегала с Мариной за компанию, чтобы не выбиваться из коллектива.

Было весело. Заправляла всеми неофициальная бригадирша — бойкая девчонка откуда-то с юга России, которая постоянно ходила по рядам с призывом:

— Девчата, не волыньте! Не волыньте, я вас умоляю!

Мы над ней тихонько хихикали за глаза. По вечерам нас ждали столовая, дискотеки в местном клубе и романтика пионерского лагеря: костры, гитарные переборы тех двух с половиной парней, что доехали до полей, и бесконечные разговоры под звездным небом.

В один из таких вечеров Марина подлетела ко мне с сияющими глазами:

— Лолочка, собирайся, едем в город!

— Ты с ума сошла? — удивилась я. — До электрички далеко, вечер на дворе, транспорт уже не ходит.

— Не переживай, за мной приехали, — заговорщицки улыбнулась подруга. — Мой дядя с самого Севера заявился!

Я даже не знала, что у неё есть дядя, но спорить не стала — быстро накрасилась, натянула всё самое лучшее, что привезла с собой в колхоз, и выпорхнула на улицу.

За корпусом нас поджидал настоящий белый кабриолет. До этого я видела такое чудо техники исключительно в голливудских фильмах. Дядя Миша — так он представился — оказался невысоким мужчиной ростом метр с кепкой, поэтому носил кепочку в клетку, придававшую ему сходство с Доктором Ватсоном.

Когда он снял сей головной убор, я оценила его масштабную лысину. До эпохи Брюса Уиллиса и моды на бритье голов под ноль было еще далеко, так что дядя Миша просто сверкал

гладким черепом, обрамленным редкой растительностью по бокам головы, щеголяя при этом мягким джемпером и фирменными джинсами. «Точно моряк дальнего плавания или капитан», — авторитетно решила я про себя.

Дядя Миша отвесил мне галантный комплимент. Марина умостилась на переднем сиденье рядом с ним, а я — сзади, и мы с ветерком помчались в Питер. По дороге заскочили в придорожное кафе, где заботливый «родственник» заказал нам шампанское, коньяк и пирожные-трубочки. Я уплетала за обе щеки, мысленно восхищаясь тем, как Марине повезло с родственниками.

В городе веселье продолжилось в ресторане: шикарное горячее мясо, салат «Оливье», морс, коньяк и праздничный «Наполеон» на десерт. Зал был полон, и дядя Миша с удовольствием отплясывал с нами обеими, ловя завистливые взгляды других присутствовавших там джентельменов. Около полуночи меня благополучно доставили в общежитие.

Пожелания спокойной ночи, таинственное «нам еще нужно съездить по делам» — и я тут же провалилась в сон. Утром Марина разбудила меня с сияющей улыбкой и двумя заветными бутылками любимого «Baileys» (я как раз только попробовала этот ликер), а также пакетом из «Березки» с шоколадным «Toblerone» и прочими заморскими деликатесами.

Мы снова прыгнули в тот же кабриолет к дяде Мише, у которого был слегка помятый вид, но неизменно доброжелательное выражение лица, и покатили обратно «на морковку». По дороге назад мы устроили дегустацию ликера из пластиковых стаканчиков, орали песни Розенбаума, например, «Вальс-бостон», а дядя Миша для остроты ощущений пускал машину зигзагами. Мы визжали от страха и восторга, хотя дорога была пустой.

Истину об этом «дяде» я осознала лишь несколько лет спустя. А тогда, помню, в поездке «туда» я шепотом спросила Марину:

— Слушай, дядя у тебя классный, но ты не заметила, что он всю дорогу держал тебя за коленку?

Маринка лишь весело отмахнулась:

— Да брось ты, тебе показалось!

Дядя Миша растворился в тумане так же внезапно, как и появился, а сентябрь подошел к концу.

Мы вернулись в Петербург и с головой ушли в учебу. Я и Марина твердо решили стать образцовыми студентками: сначала ты работаешь на репутацию, потом она на тебя. Мы переодевались в институте в туфельки на шпильках, пряча тяжелые плащи и дурацкие шапки, аккуратно вели конспекты и участвовали во всех дебатах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.